

В ПРЕДИСЛОВИИ к «Стихотворениям» **О. Ман-дельштама**, изданным Ленинградским отделением «Советского писателя» (1973 г.), критик А. Л. Дымшиц пишет: «Жизнь Осипа Мандельштама — это путь неровный и вместе с тем заполненный трудом, творческими взлетами и творческими исканиями». Некоторая часть этого пути пролегла через Карельский перешеек.

В автобиографических очерках с характерным названием «Шум времени» поэт вспоминает: «Зимой, на Рождестве, — Финляндия, Выборг, и дача — Терийоки (ныне Зеленогорск). В Терийоках — песок, можжевельник, дощатые мостки, собачьи будки купален, с вырезанными сердцами и зазубринами по числу купаний, и близкий сердцу петербуржца домашний иностранец, холодный финн, небритый и зеленоглазый, как его называл Блок».

«Шум времени» — воспоминания о детстве и юности. Они писались в 1924—25 гг. Нашим современникам, видимо, интересно будет прочесть впечатления о предреволюционных детских праздниках в Терийоках: «До чего это было, как вспомнишь, нелепо! Маленькие гимназистки и кадеты, в обтянутых курточках, расшаркиваясь с великовозрастными девушками, танцевали па-де-катр и па-де-падинер, салонные танцы девятых годов, со сдержанными бесцветными движениями. Потом игры: бег в мешках и с яйцом... В лотерею всегда разыгрывалась корова... Дети сбивались и путались в странных забавах!».

Заслуживает внимания признание Мандельштама: «Я всегда смутно чувствовал особое значение Финляндии для петербуржца, и что

сюда ездили додумать то, чего нельзя было додумать в Петербурге... И я любил страну, где все женщины безукоризненные прачки, а извозчики походят на сенаторов».

Эти чувства сродни чувствам симпатии и уважения к финскому трудовому народу, многократно высказанным в русской литературе, включая А. М. Горького, А. Куприна (см. его очерк «Немножко о Финляндии», 1907 г.) и недавнего субботнего гостя «ЛЭ» Льва Успенского, который в «Записках старого петербуржца» с большой теплотой пишет о финских извозчиках в Петербурге.

усадьбы «Пенаты» может быть другое стихотворение поэта:

Есть
целомудренные чары, —
Высокий лад, глубокий мир,
Далеко от эфирных лир
Мной установленные лары.
У тщательно обмытых ниш
В часы внимательных
закатов
Я слушаю моих пенатов
Всегда восторженную
тишь...

Иных богов
не надо славить:
Они, как равные с тобой,
И, осторожною рукой,
Позволено их переставить.

«ШУМ ВРЕМЕНИ»

Осип Мандельштам рано начинает писать стихи. И среди первых — воспоминание о Сайменском озере (1908 г.):

О, красавица Сайма,
ты лодку мою колыхала,
Колыхала мой челн,
челн подвижный,
игривый и острый.
В водном плеске
душа колыбельную негу
слыхала,
И поодаль стояли
пустынные скалы,
как сестры.
Отовсюду звучала
старинная песнь —
Калевала:
Песнь железа и камня
о скорбном порыве титана.
И песчаная отмель —
добыча вечернего вала,
Как невеста, белела
на пурпуре водного стана.
Лирический герой этого стихотворения, как бы зачарован красотой окружающих мест. Своеобразной расшифровкой названия репинской

То с большим, то с малым успехом стремится Мандельштам передать в своих стихах чувство взаимосвязи человека с природой.

Вот одно из таких произведений:

Сегодня дурной день,
Кузнечиков хор спит.
И сумрачных скал сень
Мрачней гробовых плит.
Мелькающих стрел звон
И вещей ворон крик...
Я вижу дурной сон,
За мигом лети миг.
Явлений раздвинь грань,
Земную разрушь клеть
И яростный гимн грянь —
Бунтующих тайн медь!
О, маятник душ строг,
Качается глух, прям,
И страсти стучит рок
В запретную дверь, к нам.
«Маршевый» ритм этого стихотворения нравился Маяковскому.
Постепенно Мандельштам

отходит от символистской «таинственности» и недоговоренности. Об этом свидетельствуют две редакции его стихотворения о морском побережье (1910 г.):

Как тень
внезапных облаков,
Морская гостья налетела
И, проскользнув,
прошелестела
Смущенных мимо берегов.
Огромный парус
— строго реет,
Смертельно-бледная волна
Отпрянула — и вновь она
Коснуться берега не смеет.
И лодка, волнами шурша,
Как листьями...

Это стихотворение закончилось в 1910 году строчками о «ветре рока» и «парус души». В последние годы Мандельштам их снял.

Как можно судить по некоторым данным, поэт бывал и в Куоккала (есть фотография, где он снят вместе с К. Чуковским и Ю. Анненковым — постоянными жителями поселка), и в Сестрорецком курорте. О последнем свидетельствует стихотворение «Казино» (так он называл курзал).

«Человек гуманистических убеждений, тонкий лирик, неутомимый разведчик в недрах слов, Осип Мандельштам оставил стихи, органически принадлежащие русской художественной культуре предреволюционного и советского времени», — так говорил о нем критик А. Л. Дымшиц. К этим словам добавим, что есть его след и в культурно-исторической традиции Карельского перешейка.

С. БЕРНАДСКИЙ